

**Между Россией и Западной Европой:
дипломатические языки российского представителя
при испанском дворе князя Ивана Щербатова***

Владислав Ржеуцкий

Германский исторический институт в Париже,
Париж, Франция

**Between Russia and Western Europe:
The Diplomatic Languages of Prince Ivan Scherbatov,
a Russian Representative at the Spanish Court****

Vladislav Rjéoutski

German Historical Institute,
Paris, France

This article examines the process of language learning, the acquisition of the codes of polite correspondence, and language practices among Russian diplomats with reference to Prince Ivan Andreevich Shcherbatov (1696–1761), a prominent Russian diplomat at the Spanish, Ottoman, and British courts. Such developments, together with some other changes (such as the shift to appointing resident ambassadors) were significant features of Russian diplomacy during and just after the reign of Peter I and contributed to its integration into the European diplomatic space. The study refers to many previously unused archival sources, such as language-learning exercises, diplomatic and personal correspondence. During his extended stay in London, Shcherbatov learned French including a considerable variety of polite expressions. His mastery of French was to become one of the main tools that Shcherbatov used both in his diplomatic and personal correspondence.

* Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта о языках российской дипломатии XVIII в., который выполняется при поддержке Германского научно-исследовательского общества (Deutsche Forschungsgemeinschaft), проект № 465387972. Выражаю признательность Глебу Казакову, Нильсу Маю, Дереку Оффорду, Игорю Федюкину, Софи Хольм и анонимному рецензенту за помощь и советы при подготовке статьи.

** *Citation*: Rjéoutski, V. (2023). Between Russia and Western Europe: The Diplomatic Languages of Prince Ivan Scherbatov, a Russian Representative at the Spanish Court. In *Quaestio Rossica*. Vol. 11, № 4. P. 1215–1231. DOI 10.15826/qr.2023.4.843.

Цитирование: Rjéoutski V. Between Russia and Western Europe: The Diplomatic Languages of Prince Ivan Scherbatov, a Russian Representative at the Spanish Court // *Quaestio Rossica*. 2023. Vol. 11, № 4. P. 1215–1231. DOI 10.15826/qr.2023.4.843 / Ржеуцкий В. Между Россией и Западной Европой: дипломатические языки российского представителя при испанском дворе князя Ивана Щербатова // *Quaestio Rossica*. 2023. Т. 11, № 4. С. 1215–1231. DOI 10.15826/qr.2023.4.843.

His personal network consisted of various foreigners, including many who were not French but for whom French was an important lingua franca. Even in his exchanges with Spanish officials, French was a useful medium; Shcherbatov often resorted to this language when replying to Spaniards who tended to use their own language in their letters addressed to foreign diplomats at the time. Despite his excellent command of French, Shcherbatov hardly ever used it in his correspondence with his fellow compatriots, even when dealing with addressees of non-Russian descent. This contrasts the linguistic practices of some of his colleagues of lower rank and social position who chose to use French in their diplomatic correspondence with their compatriots as a communicative strategy. Whether this early use of French should be interpreted as a sign of a new cultural or professional identity is a moot point.

Keywords: language practices, diplomacy, Ivan Shcherbatov, Spain, education, reign of Peter I, communication sphere, 18th century

Рассматриваются процессы изучения языков, освоения кодов вежливой переписки и языковые практики российских дипломатов на примере князя Ивана Андреевича Щербатова (1696–1761), видного русского дипломата при испанском, османском и британском дворах. Такие явления наряду с некоторыми другими (назначениями послов-резидентов) были важными чертами российской дипломатии во время правления Петра I и сразу после него и во многом способствовали ее интеграции в европейское дипломатическое пространство. Исследование основано на большом массиве ранее не использованных архивных источников, включающих языковые упражнения, дипломатическую и личную переписку. Во время своего длительного пребывания в Лондоне Щербатов выучил французский язык, включая большое число вежливых выражений. Он отдавал предпочтение французскому как в своей дипломатической, так и в личной переписке. Сеть его личных корреспондентов включала различных иностранцев, многие из них не были французами, но французский был важным средством общения для них. Даже в общении с испанскими дипломатами Щербатов часто прибегал к французскому, отвечая испанцам, которые в то время были склонны использовать свой язык в письмах, адресованных иностранным дипломатам. Несмотря на прекрасное владение французским языком, Щербатов почти не применял его в переписке с соотечественниками, даже когда имел дело с адресатами нерусского происхождения. Это контрастирует с языковой практикой некоторых его коллег более низкого ранга и социального положения, которые предпочитали использовать французский язык в дипломатической переписке с соотечественниками в качестве коммуникативной стратегии. Открытым остается вопрос, является ли общение на французском в данном случае знаком появления новой культурной или профессиональной идентичности.

Ключевые слова: языковые практики, дипломатия, Иван Андреевич Щербатов, Испания, образование, царствование Петра I, сфера общения, XVIII в.

Развитие проекта «New Diplomatic History» позволило пересмотреть наше понимание дипломатии раннего Нового времени. Был поставлен под сомнение традиционный подход, при котором основное внимание уделялось государствам как единственным акторам международных отношений [Krischer; *Practices of Diplomacy*], объектом исследований стала деятельность самих дипломатов [Alloul, Auwers, p. 118; May], значительное признание получило изучение социокультурных практик в области дипломатии [Scott; *Practices of Diplomacy*, p. 2].

В статье рассмотрены языковые практики российской дипломатии в конце царствования Петра I и в первые годы после его смерти. Предметом исследования стала роль языка в образовании и карьере русского дипломата князя Ивана Андреевича Щербатова (1696–1761), состоявшего торговым, а затем дипломатическим представителем в Испании (1723–1731, сначала в Кадисе, затем в Мадриде), в Константинополе (1731–1732) и в Лондоне (1739–1742, 1743–1746). Этот период оказался действительно переломным для истории российской дипломатической службы: в результате быстрого развития она превратилась в одну из важнейших европейских дипломатий.

Границы между дипломатической и личной перепиской в Европе раннего Нового времени часто были размыты. Однако в документах Щербатова они были проведены вполне определенно: в письмах к петербургскому начальству и иностранным дипломатам он редко делился личными новостями, а в письмах к родным, банкирам, купцам и т. п., как правило, не сообщал политических новостей. Это позволяет проанализировать выбор языка в каждом сегменте его объемной корреспонденции в отдельности.

Данная статья основана преимущественно на изучении архивных документов ОР РНБ¹, материалов из АВПРИ и РГАДА. В отдельных случаях использованы документы Национального исторического архива Испании (AHN, Мадрид) и Шведского национального архива (RA, Стокгольм).

Очерк владения Щербатовым языками продуктивно представить в контексте российской дипломатии XVIII в., акцентируя внимание на жизненном пути дипломата и его выборе языка в различных типах коммуникации. Обращение к практике других российских дипломатов позволяет уточнить, как и в какой степени языковые навыки министерских чиновников того времени отвечали их профессиональным и социальным потребностям.

«Открытие» европейских языков было для России 1720-х гг. еще очень недавним явлением, до правления Петра I (1682–1725) в ней практически отсутствовал институт преподавания современных языков. Незнание языков дипломатами было проблемой русской дипломатии

¹ Собрание документов Щербатова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге [ОР РНБ. Ерм. 76, 121, 123, 172; Ерм. Fr. 105] содержит многочисленные копии писем, написанных или полученных князем во второй половине 1720-х – начале 1730-х гг., а также некоторые из писем 1740-х гг.

Неизвестный художник. Портрет И. А. Щербатова. 1780-е гг. Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

Unknown artist. Portrait of I. A. Shcherbatov. 1780s. State Vladimir-Suzdal Historical-Architectural and Art Museum-Reserve

XVII в. Так, миссия русских дипломатов в Испанию в 1668 г. столкнулась с трудностями не только из-за незнания культурных кодов и церемониала при испанском дворе, но и из-за отсутствия общего языка общения [см.: Schaub]. Даже во времена Петра I некоторые дипломатические миссии были осложнены именно по этой причине (см. примеры из истории русской миссии в Константинополе: [Amelicheva, p. 107, 123]). Дан Альтбауэр [Altbauer, p. 7–12] выделил две группы дипломатов в петровской России, используя в качестве критериев их образование, профессиональный опыт и пребывание за границей. Однако представляется, что более точной будет трехчастная классификация.

Первую группу образуют лица, никогда не бывавшие подолгу за границей, но построившие карьеру в армии или при дворе и получившие некоторый опыт в кратковременных дипломатических миссиях за рубежом или на длительной службе в России, в Посольской канцелярии. Вторая группа включает несколько десятков дворян, отправленных за границу (в Англию, Голландию, Бранденбург и особенно Венецию) в конце XVII или в первые годы XVIII в., как правило, для обучения мореходному делу, реже – в качестве сопровождающих лиц при своих отцах, состоявших в дипломатических миссиях. В дальнейшем этих дворян стали привлекать на иностранную службу вследствие их высокого социального статуса, знания иностранных языков, западной культуры и нравов. Третью группу составляют молодые люди, которые были посланы за границу (в Кёнигсберг, Нидерланды, Константинополь, Персию) специально для изучения иностранных языков. В частности, некоторые молодые дворяне были прикреплены к вновь образованным российским дипломатическим миссиям в звании «дворян посольства» («gentilhomme d'ambassade»)².

Данная классификация носит отчасти искусственный, схематичный характер, поскольку границы между этими группами не были настолько строгими, как это может показаться: в каждой из них были исключения. Например, некоторое количество дворян уже в 1699 г. были направлены на стажировку в посольство в Гааге, возглавлявшееся Андреем

² Некоторые из будущих сотрудников Посольской канцелярии изучали языки в школе, основанной пастором Эрнстом Глюком и существовавшей на средства канцелярии [Rjéoutski].

Артамоновичем Матвеевым. Некоторые карьерные модели встречаются на протяжении всего изучаемого периода: например, князь Василий Лукич Долгорукий еще в начале 1700-х гг. приобрел опыт работы в составе посольства, возглавлявшегося его дядей князем Григорием Федоровичем Долгоруким, а князь Александр Куракин сопровождал своего отца князя Бориса Ивановича Куракина в Нидерландах уже в 1720-х гг. [Altbauer]. И хотя выявление общих тенденций (например, перехода от дипломатии, основанной на краткосрочных миссиях, к дипломатии резидентов и, соответственно, к появлению у дипломатического корпуса опыта длительного пребывания за границей в российских представительствах) может быть полезным, постулирование четких сценариев представляется малопродуктивным при изучении как российской, так и в целом европейской дипломатии раннего Нового времени.

Случай князя Ивана Щербатова особенно показателен в этом отношении: он провел в Лондоне не менее четырех лет, которые пришлось на конец первой волны длительных поездок русских дворян за границу и на период после ее окончания. Хотя первоначально его задачей было овладение мореходным искусством, в итоге он стал жить в Лондоне, изучая английский и французский языки. Пребывание Щербатова в Англии нетипично и в другом отношении: он долгое время оставался за границей, не имея поддержки со стороны правительства.

Становление дипломата

Письма Ивана Щербатова, написанные им в лондонский период, обнаружены мною в РНБ [ОР РНБ. Ерм. fr. 105 (1717?)]. Папка содержит более 120 писем и несколько переводов различных французских и английских текстов на русский язык. В каталоге это собрание названо анонимным, хотя в конце некоторых писем упоминается имя князя. Найденные документы показывают, что Щербатов приехал в Лондон раньше, чем считалось, поскольку некоторые письма были написаны уже в 1717–1718 гг. Судя по уровню французского в этих текстах, можно с уверенностью предположить, что Щербатов начал изучать его до поездки, вероятно, еще в России.

Письма свидетельствуют о прекрасном владении их автором французской речью. Часть писем представляет собой упражнения в эпистолярном французском, исправленные учителем (гугенотом?), другие были настоящими письмами, которые, вероятно, также исправлял наставник-француз. Учитель отметил «большое увлечение [Щербатова] нашим языком» (“fort[e] ardeur pour nôtre Langue”); во многих письмах князь выражал желание как изучать французский, так и иметь возможность общаться на нем [см. подробнее: Rjéoutski, Offord].

В 1726 г., объясняя свою неспособность читать документы на немецком, Щербатов сообщил в Посольскую канцелярию в Петербурге, что, кроме русского, он знает французский, английский и латинский языки [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 75 об. –76]. Впрочем, латынь в этом сборнике писем не встречается, английский язык присутствует

только в источниках переводов. Основным языком корреспонденции оказывается французский, который, очевидно, имел для Щербатова первостепенное значение. Щербатов тренировался и в разговорной речи: он упоминал о различных возможностях для общения на французском языке, которыми он сумел (или не сумел) воспользоваться – в частности, в кофейнях (*coffee houses*) [ОР РНБ. Erm. fr. 105. Л. 109]. Однако основное внимание он уделял написанию писем, так как количество переводов относительно невелико.

Искусство переписки могло привлечь его особенное внимание потому, что эта форма общения была предпочтительна для дворянина его ранга и вообще для «*honnête homme*». В письмах он придерживался правил вежливой беседы, используя стиль дружеского общения и стремясь обращаться к собеседнику в легком шутливом тоне. Практика ведения переписки требовала владения широким набором формул, в которых адресаты должны были распознать знаки того, что автор владеет правилами вежливого поведения. Например, в письмах Щербатова регулярно встречаются выражения такого рода:

Je viens de mettre vôtre patience à l'épreuve... (Я позволил себе испытать Ваше терпение...)³;

je me flatte que; J'ose me flatter que... (я льщу (осмеливаюсь льстить) себе тем, что...);

vous ne me sçaurez pas mauvais gré de... (вы не станете осуждать меня за то, что...);

je me donnerai l'honneur de... (я окажу себе честь...);

je suis sans déguisement et sans fard... (я говорю без фальши и притворства...);

vous plait-il bien m'accorder la justice de... (не позволите ли вы мне...);

je tacherai de vous donner des preuves... (я постараюсь дать вам свидетельства того, что...);

Je vous sçay pourtant bon gré du sacrifice que vous avez fait... (Я, впрочем, признателен вам за принесенную вами жертву...);

je me recommande à vôtre bon souvenir... (препороучаю себя вашей доброй памяти...);

étant avec toute la consideration possible... (пребывая со всевозможным почтением...);

Etant assuré de vôtre bonté... (Будучи уверен в вашем благоволении...);

je vis avec regret, que... (с сожалением отметил я, что...);

vous voudrez bien m'honorer de la reponse... (вы окажете мне честь своим ответом...);

Sependant agréez que je vous dise en ami que... (Впрочем, позвольте мне сказать вам как другу...);

J'espère que vous ne prendrez rien de tout cela à mauvais part... (Надеюсь, ничего из этого вы не поймете превратно...);

Je prens de nouveau la liberté de... (Я вновь беру на себя смелость...);

Je suis avec beaucoup d'estime... (С большим почтением...)

[ОР РНБ. Erm. fr. 105].

³ Здесь и далее подстрочный перевод автора статьи.

Число и разнообразие этих формул свидетельствуют о том, что Щербатов был вполне подготовлен к вежливой беседе на французском языке.

В письмах также отражены увлечения и занятия князя в Лондоне: наиболее часто упоминается чтение газет [ОР РНБ. Erm. fr. 105. Л. 14–15, 18–25, 32 об., 35–36, 37 об. –38, 41, 47 об., 49 об. –51, 99 об., 105, 106, 108, 108 об.]. Одно из его любимых упражнений состояло в пересказе газетных сообщений своему учителю:

En cas que La Gazette de Hollande soit arrivée, je prendrai le plaisir de la lire, et tout ce que j'y trouverai de remarquable je vous le dirai. J'espère que vous voudrez bien raisonner avec moy sur les nouvelles, comme vous êtes accoutumé de le faire avec tout le monde et principalement avec vos écoliers du nombre de quel je suis.

(Если «Gazette de Hollande» прибыла, я с удовольствием ее прочту, и все примечательное, что найду в ней, я сообщу Вам. Надеюсь, что Вы рассудите вместе со мной о новостях, как Вы обыкновенно делаете это со всеми, но особенно с Вашими учениками, к числу которых я принадлежу) [Там же. Л. 108 об.].

Некоторые из упомянутых им газет были английскими (*The Flying Post*, *The Evening Post*, *St. James's Evening Post*, *The Daily Courant*, *The London Gazette*), другие – голландскими (*Gazette de Hollande*, *Gazette d'Amsterdam*), последние издавались на французском языке. Эти издания были для Щербатова основным источником информации о политических новостях в широком смысле: о суде над царевичем Алексеем в России (*London Gazette*, 18.03.1718) [Там же. Л. 14–15 об.], о манифесте Петра I, провозглашавшем судьбу его сына (*Gazette de Hollande*, 08.04.1718) [Там же. Л. 18–25], о смерти Алексея (*The Daily Courant*, 31.07.1718) [Там же. Л. 35–36], о прибытии кораблей в Петербург (*Gazette d'Amsterdam*, 23.08.1718; *The Daily Courant*, 19.08.1718) [Там же. Л. 37 об. –38], о подписании мира между императором, Венецией и Портой (*The Daily Courant*) [Там же. Л. 32 об.] и других событиях, относящихся к войне австрийцев и венецианцев с турками (*Gazette d'Amsterdam*) [Там же. Л. 106]⁴.

Читая газеты и переводя некоторые материалы из них на русский язык, Щербатов знакомился с терминами, обозначающими высокие политические и государственные посты, например: «Grand Seigneur» (великой господин); «Sultan» (император (или повелитель)); «Le grand sultan» (великий султан) [Там же. Л. 3–5].

По тем усилиям, которые он прилагал к занятиям языками, написанию писем и чтению иностранных газет, можно предположить, что он намеревался сделать дипломатическую карьеру, поскольку эти занятия были обычными для европейских, в том числе и рос-

⁴ Образец письма, полностью посвященного новостям, напечатанным в «Gazette de Hollande», см.: [РНБ. ОР. Erm. fr. 105. Л. 106].

сийских дипломатов того времени [Александренко, с. 282–286]. Действительно, в России первой трети XVIII в. вряд ли была какая-нибудь другая профессия, которая требовала бы таких навыков. В любом случае опыт, приобретенный в Лондоне, и знание иностранных языков, вероятно, повлияли на решение о направлении Щербатова в Испанию⁵ в качестве торгового, а затем и дипломатического представителя России.

Служебная и личная переписка: языковой выбор российского дипломата

Обращаясь к дипломатической и личной переписке Щербатова, мы обнаруживаем в ней многие знакомые формулы вежливого общения, которые он использовал во время занятий в Лондоне.

В первые годы службы в Испании он имел возможность обращаться к монархам и высокопоставленным лицам как письменно, так и устно. На своей первой аудиенции у короля Испании в июне 1726 г. Щербатов произнес речь на французском языке [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 23]. В письме, написанном в 1728 г. герцогу Шлезвиг-Гольштейнскому с обещанием того, что Россия будет поддерживать интересы герцогства в Испании, он также использовал французский язык, как и герцог в своем ответе. По-французски написаны письма Щербатова к первому министру Голштинии Фридриху фон Бассевичу [ОР РНБ. Ерм. 123–1. Л. 55–55 об., 164–165] и к посланнику Голштинии при французском дворе Гумпрехту [Там же. 123–4. Л. 21 об.].

Почти все письма, полученные Щербатовым от испанских чиновников, были на испанском языке (письма Хуана Баутисты де Орендана-и-Аспиликуэты, маркиза де ла Пас (1683–1734), испанского государственного секретаря (то есть министра иностранных дел), и Бальтасара Патиньо-и-Росалеса, маркиза Кастелара (1672–1733), испанского военного секретаря [Там же. 123–1. Л. 78 об. –79, 147 об.]). В этом отношении испанские чиновники следовали традиции, сложившейся при испанском дворе. Щербатов иногда отвечал на испанском, иногда на французском, но его письма на испанском языке наверняка переводились с французского его секретарем (ср. приведенное выше высказывание Щербатова о языках, которыми он владел). Министру иностранных дел Испании он писал в основном на французском языке, например: [Там же. Л. 213, 219–219 об.]⁶.

По-видимому, незнание испанского языка было ахиллесовой пятой Щербатова. Он неоднократно получал выговоры от имени императора из Коллегии иностранных дел за то, что его донесения не были дополнены сведениями, которые он должен был собирать, общаясь с испанскими придворными (апрель 1729 г.) [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1.

⁵ Не вполне ясно, почему именно Испания была выбрана для его первого назначения.

⁶ Позднее, в Лондоне, Щербатов также использовал французский в переписке с британскими дипломатами и официальными лицами, хотя он знал английский язык.

Д. 113. Л. 13, 28, 30], что, вероятно, объясняется его неумением разговаривать по-испански. Хотя знание французского языка было довольно распространено среди испанской элиты, он рассматривался скорее как язык для чтения, а не для устной или письменной коммуникации и уж тем более не как средство общения между самими испанцами [Sanz-Cabrerizo et al.]. Увы, единственный переводчик русской миссии в Испании в 1720-х гг. был неопытен и недостаточно хорошо переводил с испанского на русский [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 61 об. –62 об.]. Посылать документы на испанском языке в Петербург также не имело смысла, поскольку и там не было переводчика, знающего этот язык [Там же]⁷. Однако секретарь Щербатова, не знавший русского языка, мог переводить с испанского на французский: использование цепочки переводов было распространенным явлением в дипломатии того времени [Schmidt-Rösler]. Щербатов также иногда получал документы на немецком языке, хотя, как он сам объяснял, не знал его и не имел подходящего переводчика. Чтобы отвлечь внимание от своих затруднений в общении на испанском, он заявлял, что на французском языке вели переписку все иностранные дипломаты при испанском дворе [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 122–122 об.]⁸.

Помимо официальной корреспонденции Щербатова, в том же архивном фонде хранятся многочисленные письма, написанные им в Испании частным лицам⁹. Неофициальная переписка Щербатова с испанскими дворянами велась как на испанском (несомненно, с помощью секретаря), так и на французском языке. Причины выбора того или другого языка не всегда очевидны. Например, прощальное письмо герцогу Осуна¹⁰ написано по-французски [ОР РНБ. Ерм. 123–4.

⁷ Это подтверждается документом из Петербурга, адресованным Щербатову в июле 1726 г. [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 96. Л. 122–122 об.]. Регулярная корреспонденция, посылавшаяся российским двором в Испанию, переводилась в Петербурге на итальянский и на этом языке вручалась испанским чиновникам [Там же. Д. 97. Л. 24–25]. В состав русского посольства, отправленного в 1687 г. во Францию и Испанию, чтобы заручиться поддержкой в войне против турок, входил лишь один переводчик, который владел немецким и латинским языками [РГАДА. Ф. 58. Оп. 1. Д. 18 (1687). Л. 1 об.].

⁸ Он часто получал документы из других российских посольств в Европе на французском языке. Так, например, полномочный министр России в Гааге граф Головкин прислал ему копию грамоты, посланной английским королем российской императрице, и ее ответ – и то, и другое на французском языке [АВПРИ. Ф. 58. Оп. 1. Д. 97. Л. 63 (19.08.1726)]. Чуть позже Щербатов поручил перевести эту грамоту и ответ императрицы на испанский и спросил императрицу, следует ли ему их напечатать [Там же. Д. 96. Л. 75 об. –76]. Документы на немецком языке (предложение датского министра в России Ханса Георга Вестфалена и ответ на него) были присланы ему в ноябре 1726 г. графом Головкиным, опять же во французском переводе [Там же. Л. 94 об. –95] (письмо от 4 октября 1726 г.). Щербатов поручил перевести эти документы на испанский язык и обратился к министру иностранных дел Испании с просьбой опубликовать их в испанских газетах (11.11.1726) [Там же. Л. 98 об.].

⁹ Таким, как Маркес дель Педросо, Хуан Диас де Торрес, Д. Паскуаль де Вилла Кампа, Франсиско де Руйдиас Зеналло, Хосеф де Ароземена и Гармендия [РНБ. Mss. Ерм. 123–4. Л. 1, 7].

¹⁰ Возможно, это был Хосе Мария Тельес-Гирон-и-Бенавидес, VII герцог Осуна, старший официант короля.

Л. 21], а прощальное письмо Алонсо Манрике де Лара-и-Сильва, герцогу Арко, начальнику конюшен короля Испании, по-испански [Там же. Л. 43], как и письмо к некоей испанской даме (предположительно дворянке) [Там же. Л. 19], хотя языком вежливого общения со знатными женщинами считался французский. Возможно, Щербатов учитывал языковые предпочтения своих корреспондентов.

В собрание также вошло значительное количество писем, посланных князем банкирам и купцам, многие из которых были не-испанского происхождения. Некоторые из них были французами, проживавшими в Испании. Почти все эти письма написаны на французском языке. Щербатов писал по-французски братьям Брету (Bretous), торговцам, вероятно, часовщикам [Nogués-Marco, p. 12], в Мадрид; Жиль-Пену (Giles Pain), влиятельному французскому купцу в Кадисе, который некоторое время представлял французскую общину города («*député de la nation*»); Брокеры (Broquegu) в Гранаду, Деба (Debas) в Севилью, Жирару (Girard) в Берлин, Ж. Л. Гимене (Guimené) в Брюссель и др. Действительно, по финансовым и деловым вопросам Щербатов во время своего пребывания в Испании, по-видимому, общался в основном с французскими купцами [ОР РНБ. Ерм. 123–4. Л. 8 об.]; впрочем, мы также находим письма на французском языке, адресованные немцам и голландцам [Там же. Л. 10 и др.]. Иными словами, Щербатов использовал французский язык как *lingua franca* для общения с иностранцами независимо от их происхождения. По-видимому, на формирование его сети контактов, задействованных для решения практических вопросов, влиял набор языков, которыми он владел. Одним из редких исключений из франкофонии, характерной для этой части его переписки, является письмо на английском языке, адресованное Эндрию Кэролу, капитану Уотерфордского полка на испанской службе, который в то время (1730 г.) проживал в Кордове [Там же. Л. 35].

Внутренняя переписка российских дипломатов

Европейские дипломаты, разумеется, обменивались письмами и с коллегами из собственной страны, то есть вели так называемую внутреннюю дипломатическую переписку. Использование родного языка в такой переписке было широко распространено в Европе раннего Нового времени, например, среди испанских дипломатов [ср.: АНН. Estado 3379/1, 3854, 4045]. Однако это правило не было безусловным. Шведские и немецкие дипломаты иногда использовали французский язык в профессиональном общении с соотечественниками. Шведские дипломаты, работавшие в Гамбурге, Ганновере и Париже, уже в конце XVII в. переписывались со своим коллегой в Лондоне Кристоффером Лейонкроной отчасти на шведском, отчасти на французском языке, хотя шведский использовался ими чаще [RA. Anglica, p. 178]. В июне 1740 г. Фридрих II издал указ, согласно которому основным языком внутренней дипломатической переписки

Пруссии стал французский [Schmoller, Hintze, S. 6–7]¹¹. В 1740-х гг. баварский министр при русском дворе Иосиф Мария Николаус, барон Нейгауз, переписывался на французском языке с немецкими дипломатами в Гааге, Кёльне и Берлине; исключение составлял имперский вице-канцлер Иоганн Георг II граф фон Кёнигсфельд, которому Нейгауз регулярно писал по-немецки [АВПРИ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 16].

Щербатов использовал русский язык в переписке с российскими дипломатами, даже с этническими немцами (довольно частое явление в российской дипломатии того времени), такими как, например, Кристофор фон Бранц, российский министр в Амстердаме [ОР РНБ. Ерм. 123–4. Passim]. Пассажи на французском языке в его внутренней дипломатической переписке встречаются крайне редко; примером могут служить письма, посланные Щербатовым российскому министру в Голландии графу Александру Гавриловичу Головкину. В одном из писем (от 09.03.1732?), содержащем только новости по службе и написанном по-русски, Щербатов добавил постскрипtum на французском языке, адресованный жене Головкина; несомненно, это было вызвано тем, что использование французского языка в общении с женщинами было принято на Западе и считалось вежливым тоном, а также тем, что жена Головкина Катарина цу Дохна-Феррасьерес была иностранкой [Там же. Мss. Ерм. 123–4. Л. 225; Шатохина-Мордвинцева]. Переход на французский язык в другом письме к Головкину мог объясняться тем, что Щербатов просил своего адресата высказаться в его поддержку, написав французскому генеральному контролеру финансов Филиберу Орри; возможно, Щербатов хотел подсказать Головкину формулировки [Там же. Ерм. 123–4. Л. 64 об.].

В том же архиве хранится любопытная переписка (начиная с 1726 г.) между Щербатовым и Алексеем Андреевичем Вешняковым, помощником русского консула (с 1723 г.), а затем консулом в Кадисе (1726–1729), который впоследствии представлял Россию при османском дворе. В целом Вешняков придерживался того же негласного правила, переписываясь со своим коллегой и соотечественником Щербатовым на родном языке. Однако, в отличие от Щербатова, Вешняков часто переходил на французский.

Иногда по-французски писалась только дата, тогда как текст письма был на русском, но часто встречаются более существенные вкрапления на французском. В некоторых случаях на этом языке написан постскрипtum:

P. S. Mon camarade de voyage Monsieur Procope, me prie d'assûrer de ses respects, Vôtre Excellence, et que de Cadiz il auroit humeur de lui écrire lui-même (22.06.1726) [Там же. Ерм. 76. Л. 20 об.].

(Мой попутчик г-н Прокоп просит передать вашему превосходительству свое почтение и сообщить, что он был бы рад написать Вам из Кадиса сам).

¹¹ Я признателен Татьяне Траутман за эти сведения.

Иногда Вешняков пишет на профессиональные темы как в основной части письма, так и в постскриптуме, но в постскриптуме те же вопросы подаются как светские новости, каковыми они в определенной степени и являлись в эпоху, когда дипломатическая и светская сферы не были четко разграничены (один из примеров см.: [ОР РНБ. Ерм 76. Л. 392 об.]). То, что французский язык лучше всего подходил для передачи светских новостей и сплетен, хорошо видно из следующего отрывка:

Только главная новизна а present courante sur les sauffas depuis hier le mariage inattendû de Mademoiselle Catinky Chirak avec Mr. Seleskowitz dragoman allemand, qui a été déclaré hier a midi chez les Peres Trinitaires où Monsieur de Talman donna à diner à toute sa famille et celle de Madame son epouse: le mariage ou plutôt l'amour n'est vieux que de huit jours. On cherche maison pour les nouveaux promis, si on en trouve je crois qu'en trois ou quatre jours se fera aussi la benediction nuptiale. Voici une nouvelle qui je crois fera autant rire Vôtre Excellence, comme elle nous a surpris et tout autant du monde qu'il y a en Pera. Nous sommes déjà dans la maison de Vôtre Excellence: j'ose vous assurer Monseigneur que je suis, quand a moi, au moins aussi content que le nouveau marié ayant en possession son aimée de huit jours, et moi de mes deux chambres en bas: celle où étoit Sr. Reskin et celle qui est sur la rue, où j'ai laissé en fin les immondices et l'odeur avec les cris des cochons qui étoient les agrements de ma chambre de la maison ou plutôt de la prison vielle [sic] et tombante. Г[оспо]да послы по прежнему [нрзб] нас разносят... (14.04.1732) [Ibid. Л. 401 об. –402].

(Только главная новизна [далее – по-французски], о которой со вчерашнего дня говорят на диванах, – неожиданное бракосочетание мадам-муазель Катиньки Ширак с господином Селесковичем, немецким драгоманом; об этом было объявлено вчера в полдень в доме тринитариев, где господин де Тальман давал обед для всей своей семьи и семьи своей жены: браку, или скорее любви, всего восемь дней. Подыскивают дом для новобрачных, и если он найдется, то, думаю, через три-четыре дня брак будет благословлен. Вот, пожалуй, новость, которая рассмешит ваше превосходительство так же сильно, как она удивила нас и всех, кто находится в Пере. Мы уже в доме вашего превосходительства: смею вас уверить, сударь, что я по крайней мере так же счастлив, как новобрачный: источник его счастья на протяжении уже восьми дней – его возлюбленная, а моего – две комнаты внизу: та, где проживал господин Рескин, и та, что выходит на улицу; там я наконец распрощался с грязью, дурным запахом и криками свиней, которые сопровождали меня в [прежнем] доме, который скорее можно назвать ветхой и грозящей развалиться тюрьмой. [далее по-русски] Г[оспо]да послы по прежнему [нрзб] нас разносят...).

В начале письма, которое я не привел, Вешняков сообщает Щербатову некоторые профессиональные новости на русском языке; затем, как мы видим, он переходит на французский, рассказывая о подро-

ностях одной женитьбы, и наконец вновь пишет на русском, когда речь заходит о вопросах дипломатии.

Для Вешнякова использование французского языка в письме к соотечественнику и коллеге было не вполне самоочевидным: он чувствовал, что поступает вопреки правилам. Это становится ясно из его извинений в другом письме:

Pardonnez Monseigneur, si je finis en une langue étrangere, je sçais qu'elle ne lui est pas et d'ailleurs plait (18.03.1732) [ОР РНБ. Ерм 76. Л. 398 об.].

(Простите мне, милостивый государь, что я завершаю [письмо] на иностранном языке, однако я знаю, что он не чужой для Вас и даже нравится Вам).

Одним словом, письма Вешнякова свидетельствуют не только об уровне владения французским языком российскими дипломатами второй четверти XVIII в., но и о том, что французский успел проникнуть в их профессиональную переписку с русскими коллегами. Можно предположить, что чувство неуверенности, которое Вешняков испытывал, находясь в Константинополе – столице восточной варварской империи, по его собственным словам, побуждало его практиковать общение на языке цивилизованного европейского общества¹².

* * *

Во время длительного пребывания в Лондоне Щербатов изучал французский язык; в частности, он овладел различными формулами вежливого общения, которые затем применял в 1720–1730-х гг., находясь в Испании, в дипломатической и личной переписке. В его круг общения входили иностранцы, в том числе не французы – те, кто использовал французский язык как *lingua franca*. Даже в переписке с испанскими чиновниками, которые в основном обращались к Щербатову по-испански, французский язык выступал важным средством общения, поскольку его использование допускалось испанской стороной, по крайней мере в повседневной дипломатической корреспонденции.

Несмотря на прекрасное владение французским языком, Щербатов практически не использовал его в переписке с российскими дипломатами, хотя некоторые из его адресатов были нерусского происхождения и (или) хорошо знали французский. Другие российские дипломаты в тот же период часто нарушали неформальное правило,

¹² Впрочем, другой русский дипломат, Иван Иванович Неплюев, служивший в Константинополе раньше Вешнякова, с 1721 по 1734 г., и ставший впоследствии сенатором и министром, в своих письмах к Щербатову ни разу не использовал французский или какой-либо другой иностранный язык [АВПРИ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 553. Л. 35–43; Ф. 36. Оп. 2. Д. 10, *passim*]; вероятно, он владел только итальянским, который выучил во время своего пребывания в Венеции, где изучал морское дело в 1717–1719 гг. [см.: Записки Ивана Ивановича Неплюева].

согласно которому французский мог употребляться как язык переписки с иностранными дипломатами, язык светского общения, но не как язык профессионального общения с российскими коллегами. Однако Иван Щербатов практически не отступал от традиции использования русского языка в качестве единственного языка для переписки с коллегами и начальством на российской дипломатической службе, хотя, как можно заключить по обилию писем на французском в его архиве и по разрозненным замечаниям в письмах Алексея Вешнякова, Щербатов увлекался французским языком и любил писать на нем.

Вероятно, не является случайностью то, что Вешняков, неоднократно переходивший в письмах к Щербатову на французский (как и в переписке с другим русским дипломатом – князем Антиохом Кантемиром [АВПРИ. Ф. 35. Оп. 1. Д. 553. Л. 56–57]), занимал более низкое социальное положение, чем Щербатов. Использование Вешняковым французского языка было частью его коммуникативной стратегии: переходя на него, он символически ставил себя на один уровень с собеседником (о другом примере подобной стратегии см.: [Baudin]). Действительно, французская речь позволяла говорящим и пишущим преодолевать барьеры в социальной и профессиональной иерархии и достигать определенного равенства. Можно предположить, что Щербатову не приходилось прибегать к подобным уловкам.

Следует ли интерпретировать эти ранние примеры использования французского языка в профессиональной переписке российских дипломатов с коллегами-соотечественниками как признак появления у них новой идентичности – профессиональной, социальной или культурной? В отсутствие какого-либо метадискурса, который мог бы объяснить причины перехода на французский язык в данном контексте, можно лишь сделать предположение, что данный узус отражал специфический культурный опыт российских дипломатов, командированных в разные европейские страны: использование французского языка было для них, вероятно, одним из способов обозначить свою принадлежность к сообществу европейских дипломатов.

Библиографические ссылки

- АВПРИ. Ф. 6/1. Д. 16 (1743); Ф. 35. Оп. 1. Д. 553 (1732); Ф. 36. Оп. 2. Д. 10 (1732); Ф. 58. Оп. 1. Д. 96 (1726–1731), 113 (1729).
- Александренко В. Н.* Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII веке : [в 2 т.]. Варшава : Тип. Варшавск. учеб. округа, 1897. Т. 1. 549 с.
- Записки Ивана Ивановича Неплюева (1693–1773). СПб. : А. С. Суворин, 1893. VIII, 197 с.
- ОР РНБ. Ерм. 76 (1726–1727), 123–1 (1727–1732), 123–4 (1730); Ерм. fr. 105 (1717). РГАДА. Ф. 58. Оп. 1. Д. 18 (1687).
- Шатохина-Мордвинцева Г. А.* Дипломат Александр Гаврилович Головкин: новые штрихи к биографическому портрету // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 47–59. DOI 10.31857/S013038640015098–5.
- АНН. Estado 3379/1 (1712), 3854, Dinamarca (1708–1800), 4045, Francia (1743–1746).
- Alloul H., Auwers M.* What is (New in) New Diplomatic History? // J. of Belgian History. 2018. Vol. 48, № 4. P. 112–122.

Altbauer D. The Diplomats of Peter the Great // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. 1980. Bd. 28, H. 1. S. 1–16.

Amelicheva M. The Russian Residency in Constantinople: 1700–1714. Russian-Ottoman Diplomatic Encounters : PhD Thesis. Washington, DC : [S. n.], 2016. 1466 p.

Baudin R. Russian or French? Bilingualism in Aleksandr Radischev's Letters from Exile (1790–1800) // *French and Russian in Imperial Russia* : [2 vols.] / ed. by D. Offord et al. Edinburgh : EUP, 2015. Vol. 2. P. 120–131.

Krischer A. Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der frühen Neuzeit // *Diplomatische Praxis und Zeremoniell in Europa und dem Mittleren Osten in der frühen Neuzeit* / Hrsg. von J.-P. Niederkorn et al. Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2009. S. 1–32.

May N. Staged Sovereignty or Aristocratic Values? Diplomatic Ceremonial at the Westphalian Peace Negotiations (1643–1648) // *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800* / ed. by J. Hennings, T. A. Sowerby. L. ; N. Y. : Routledge, 2017. P. 80–94.

Nogués-Marco P. Did Bullionism Matter? Evidence from the Cadiz Shadow Market for Silver, 1729–1741 // *Codexvirtual : Administración de Archivos y Colecciones Administración de Condominios* : [website]. URL: http://codexvirtual.com/hbancaria/wp-content/plugins/documents/files/65_Nogues_2009_Bullionism_Matter_Cadiz_Market_Silver_1729_1741.pdf (accessed: 21.04.2023).

Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800 / ed. by J. Hennings, T. A. Sowerby. L. ; N. Y. : Routledge, 2017. 320 p.

RA. Anglica 178 (1691–1710).

Rjéoutski V. Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? // *Adel und Mehrsprachigkeit in der frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen* / Hrsg. von H. Glück et al. Wiesbaden : Harrasowitz Verlag, 2019. S. 179–201.

Rjéoutski V., Offord D. Teaching and Learning French in the Early Eighteenth Century: Ivan Shcherbatov's Letters to His French Teacher // *University of Bristol. Online Corpus of Documents* : [website]. URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx2112u1m5f3bjp/Ivan%20Shcherbatov%20introduction.pdf> (accessed: 12.01.2023).

Sanz-Cabrero A. et al. Francophonies in Spain // *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language* / ed. by V. Rjéoutski et al. Oxford : Peter Lang, 2014. P. 239–272.

Schaub M.-K. Avoir l'oreille du roi: l'ambassade de Pierre Potemkine et Siméon Roumiantsev en France en 1668 // *Paroles des négociateurs. Entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen Age à la fin du XIXe siècle* / dir. S. Andretta. Rome : École française de Rome, 2010. P. 213–228.

Schmidt-Rösler A. 'Uneinigkeit der Zungen' und 'Zwietracht der Gemüther'. Aspekte von Sprache, Sprachwahl und Kommunikation frühneuzeitlicher Diplomatie // *Unwissen und Missverständnisse im vormodernen Friedensprozess* / Hrsg. von M. Espenhorst. Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 2013. S. 167–202.

Schmoller G., Hintze O. Acta Borussica. Denkmäler der Preussischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert. Behördenorganisation und allgemeine Staatsverwaltung. B. 6/2. Akten vom 31. Mai 1740 bis Ende 1745. Berlin : Verlag von Paul Parey, 1901. 1014 S.

Scott H. Diplomatic Culture in Old Regime Europe // *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century* / ed. by H. Scott, B. Simms. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. P. 58–85.

References

AHN. Estado 3379/1 (1712), 3854, Dinamarca (1708–1800), 4045, Francia (1743–1746).
Aleksandrenko, V. N. (1897). *Russkie diplomaticheskie agenty v Londone v XVIII veke v 2 t.* [Russian Diplomatic Agents in London in the 18th Century. 2 Vols.]. Warsaw, Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga. Vol. 1. 549 p.

Alloul, H., Auwers, M. (2018). What is (New in) New Diplomatic History? In *J. of Belgian History*. Vol. 48. No. 4, pp. 112–122.

Altbauer, D. (1980). The Diplomats of Peter the Great. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 28. H. 1, S. 1–16.

Amelicheva, M. (2016). *The Russian Residency in Constantinople: 1700–1714. Russian-Ottoman Diplomatic Encounters*. PhD Thesis. Washington, DC, S. n. 1466 p.

AVPRI [Archives of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 6/1. Dos. 16 (1743); Stock 35. List 1. Dos. 553 (1732); Stock 36. List 2. Dos. 10 (1732); Stock 58. List 1. Dos. 96 (1726–1731), 113 (1729).

Baudin, R. (2015). Russian or French? Bilingualism in Aleksander Radishchev's Letters from Exile (1790–1800). In Offord, D. et al. (Eds). *French and Russian in Imperial Russia*. 2 Vols. Edinburgh, EUP. Vol. 2, pp. 120–131.

Hennings, J., Sowerby, T. A. (Eds). (2017). *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*. L., N. Y., Routledge. 320 p.

Krischer, A. (2009). Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der Frühen Neuzeit. In Niederkorn, J.-P. et al. (Hrsg.). *Diplomatische Praxis und Zeremoniell in Europa und dem Mittleren Osten in der frühen Neuzeit*. Wien, Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, S. 1–32.

May, N. (2017). Staged Sovereignty or Aristocratic Values? Diplomatic Ceremonial at the Westphalian Peace Negotiations (1643–1648). In Hennings, J., Sowerby, T. A. (Eds). *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*. L., N. Y., Routledge, pp. 80–94.

Nogués-Marco, P. (2009). Did Bullionism Matter? Evidence from the Cadiz Shadow Market for Silver, 1729–1741. In *Codexvirtual. Administración de Archivos y Colecciones Administración de Condominios* [website]. URL: http://codexvirtual.com/hbancaria/wp-content/plugins/documentos/files/65_Nogues_2009_Bullionism_Matter_Cadiz_Market_Silver_1729_1741.pdf (accessed 21.04.2023)

OR RNB [Department of Manuscripts of the National Library of Russia]. Erm. 76 (1726–1727), 123–1 (1727–1732), 123–4 (1730); Erm. fr. 105 (1717).

RA. Anglica 178 (1691–1710).

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 58. List 1. Dos. 18 (1687).

Rjéoutski, V. (2019). Die französische Sprache in der Adelserziehung der Regierungszeit Peters I.: Professionelle Sprache oder Charakteristikum der sozialen Identität? In Glück, H. et al. (Hrsg.). *Adel und Mehrsprachigkeit in der frühen Neuzeit: Ziele, Formen und Praktiken des Erwerbs und Gebrauchs von Fremdsprachen*. Wiesbaden, Harrasowitz Verlag, S. 179–201.

Rjéoutski, V., Offord, D. (N. d.). Teaching and Learning French in the Early Eighteenth Century: Ivan Shcherbatov's Letters to His French Teacher. In *University of Bristol. Online Corpus of Documents* [website]. URL: <https://data.bris.ac.uk/datasets/3nmuogz0xzmpx2112u1m5f3bjp/Ivan%20Shcherbatov%20introduction.pdf> (accessed 12.01.2023)

Sanz-Cabrerizo, A. et al. (2014). Francophonies in Spain. In Rjéoutski, V. et al. (Eds). *European Francophonie. The Social, Political and Cultural History of an International Prestige Language*. Oxford, Peter Lang, pp. 239–272.

Schaub, M.-K. (2010). Avoir l'oreille du roi: l'ambassade de Pierre Potemkine et Siméon Roumiantsev en France en 1668. In Andretta, S. (Dir.). *Paroles des négociateurs. Entretien dans la pratique diplomatique de la fin du Moyen Age à la fin du XIXe siècle*. Rome, École française de Rome, pp. 213–228.

Schmidt-Rösler, A. (2013). 'Uneinigkeit der Zungen' und 'Zwietracht der Gemüther'. Aspekte von Sprache, Sprachwahl und Kommunikation frühneuzeitlicher Diplomatie. In Espenhorst, M. (Hrsg.). *Unwissen und Missverständnisse im vormodernen Friedensprozess*. Göttingen, Vandenhoeck und Ruprecht, S. 167–202.

Schmoller, G., Hintze, O. (1901). *Acta Borussica. Denkmäler der Preußischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert. Behördenorganisation und allgemeine Staatsverwaltung*. B. 6/2. Akten vom 31. Mai 1740 bis Ende 1745. Berlin, Verlag von Paul Parey. 1014 S.

Scott, H. (2007). Diplomatic Culture in Old Regime Europe. In Scott, H., Simms, B. (Eds). *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, pp. 58–85.

Shatokhina-Mordvintseva, G. A. (2021). Diplomat Aleksandr Gavrilovich Golovkin: novye shtrikhi k biograficheskomu portretu [Diplomat Aleksandr Gavrilovich Golovkin: New Touches to the Portrait]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 5, pp. 47–59. DOI 10.31857/S013038640015098–5.

Zapiski Ivana Ivanovicha Neplyueva (1693–1773) [Memoirs by Ivan Ivanovich Neplyuev (1693–1773)]. (1893). St Petersburg, A. S. Suvorin. VIII, 197 p.

The article was submitted on 23.04.2023